ГРЭГ

САМОСБОР.
Революция

Annotation

О франшизах S.T.A.L.K.E.R и МЕТРО-2033, наверное, слышали все. А вот о мире САМОСБОРА знают не многие. Тем не менее, у этой новой игровой системы уже достаточно много фанатов. Что же это такое?

Самосбор – это мир гигантской хрущёвки, сколько в ней этажей никто точно не знает. «Хрущ» или «Гигахрущ» разделён на блоки и в каждом своя жизнь. В бесконечном здании имеется управляющая всем партия, о которой мало что известно. Мир в целом находится в состоянии, напоминающем Советский Союз, хотя допускается футуристическая техника и роботы. Люди живут в постоянном страхе перед смертью и непонятным явлением, Самосбор, который проявляется по разному: болезни, мутации, катаклизмы и прочее. Уничтожением последствий Самосбора занимаются ликвидаторы.

Франшиза появилась в 2018 году и продолжает собирать поклонников этого нового пост апокалиптического жанра.

- ○ Глава 1

САМОСБОР. Революция

Глава 1

Радио у меня не работало третий день. Хотел еще вчера вызвать мастера, да усталость помешала. Так навкалывался за смену, что еле до койки дополз. Не думал, что растить картофель требует таких немыслимых физических и психологических усилий. Хотя к усталости мне не привыкать. В бригаде ликвидаторов, бывало, по трое-четверо суток не спал. Но это в прошлом, сейчас я уже год как гражданский.

Так вот про радио… Включилось само собой, да ещё на всю громкость. Я аж подскочил от неожиданности, скатился с койки и зашарил по полу в поисках оружия. Смешно. Год не служу, а рефлексы никуда не делись. Глянул на датчик самосбора на запястье – чисто, экран мерцал ровным зелёным светом. С трудом поднялся. Без одной ноги шустрить как прежде не получается. Но новый протез пусть подождёт. Сейчас деньги на другое нужны, на Лизоньку. Произнёс её имя, и в душе потеплело. Я усмехнулся. Сорокалетний солдафон, а вздыхаю и мечтаю о любви, как зелёный пацан. И зачем я только её встретил? Столько баб в нашей «хрущёвке», а меня эта приворожила.Окучиваю проклятый картофель, опрыскиваю, сыплю сидераты и прочие фосфаты, а всё о Лизе думаю. А самое смешное, что этот ненавистный картофель и собираюсь ей презентовать. Хочу, чтобы она от удивления распахнула карие глазёнки, маленькими ручками всплеснула. А я бы сказал: «Плёвое дело. В следующий раз куплю тебе натуральные яблоки».

Это меня мой сосед по этажу, Иван, научил. Тоже из бывших. Только он уже двенадцать лет как списан в резерв. Во время самосбора правой руки лишился. Только зачем ему она, если по жизни левша. Но у военного ведомства закон – раз калека, катись нафиг. Мужик серьёзный, рассудительный, а в интимных делах дока. К нему тётки даже с другого блока бегают. Он меня и надоумил: «Запомни, Серый, любую женщину охмурить можно. Во-первых, ласка. Во-вторых, подарки. Говори ей комплименты, мол, какая она красавица, да какая фигура у неё аппетитная, да какие глаза бездонные. Они же ушами любят. Но одних слов мало. Её купить нужно. На подарки бабы очень

падки. Дорогие безделушки, деликатесные вкусняшки – ни одна не устоит. Даже если она по внешности богиня, а ты козёл кривоногий…»

Я, конечно, не козёл, рост 190, накачанный, ноги… нога ровная… Вот только в ласке не специалист. Пытался Лизе чего-то подобное втюхать. Говорю, глаза у тебя такие добрые, маленькие, как у ребенка…

Так она на меня как на придурка глянула и пошла прочь. Под ручку с зоотехником. Тот, конечно, при деньгах – кормовых крыс разводит. Куда мне до него. Но сдаваться не собираюсь. Картошка – это первый шаг к завоеванию любимой. Потом яблоки. А уж ананасом добью. Недавно в оранжерее вырастили, денег стоит немерено, но, говорят, вкуснее нет ягоды.

По радио орали новый гимн нашего коммунистического тринадцатого блока. Слова какие-то дурацкие, но правительству виднее. Только громкость нужно убавить. Я заковылял на кухню к радиоприёмнику, и в этот момент в дверь позвонили. Кого это принесло в такую рань? Закон гигахрущёвки прост: «Дверь без необходимости никому не открывать. Самосбор не дремлет»

Но бывают исключения из правил. Всю жизнь взаперти не просидишь. Тем более, недавно на этаже комитет распорядился поставить охрану – двух парней из корпуса быстрого реагирования в полном боевом оснащении. У них такие штучки в арсенале, что мне и не снились. И это правильно, что поставили. На нашем этаже туннель в технический отсек. А его нельзя без присмотра оставлять.

Подошёл к двери, припал к глазку. На площадке тощий дрищ околачивается. В руках какой-то предмет. На оружие вроде не похоже. Хотя, кто знает, наука на месте не стоит. Вдавил кнопку «переговорника»:

– Что вы хотели?

– Вас приветствует информационная служба «Старый жёлудь».

– Не знаю никаких желудей. Ни старых, ни новых.

– По поручению комитета компартии тринадцатого блока собираю подписи жильцов…

Радио за спиной так громко орало, что я с трудом слышал пришедшего.

– Мне нужен Корельский Сергей Юрьевич…поставьте, пожалуйста, подпись…

А ведь и впрямь дрищ держит в руках папку. Одет в клетчатую рубаху, карманы небольшие – не оттопыриваются от посторонних предметов. Штаны в обтяжку, как у стиляги. Правда, ремень широкий… если сзади ствол засунуть… Нет, не похоже, что вооружён. Да и охранники пропустили…

Надавил на ручку гермозатвора, дверь щёлкнула и с шипением распахнулась.

Дрищ заискивающе улыбнулся:

– Разрешите войти, Сергей Юрьевич?

До чего этот чиновник на крысу похож. Уши большие, глазки – бусинки, нос хрящеватый длинный. Похожих грызунов Лизкин зоотехник на корм нашему блоку разводит. Только те безмозглые, а у этого на тощей морде высшее образование написано.

Вошёл и сразу приступил у делу:

– Где мы сможем подписать документы?

Я повёл его на кухню, усадил за стол, предложил чаю из жёлтого мха.

– О! Из жёлтого?! Не откажусь! – потёр он сухонькие ладошки. – Разговор не быстрый.

Я хмыкнул. Какие нафиг разговоры? Нашим бюрократам главное подписи собрать, а что думают обитатели «хруща», их мало интересует.

Интересная у дрища папочка. Явно, что кожаная. Светлая, гладкая. Вещь недешёвая. Стильная, конечно, только как ему такую носить дозволили? По регламенту папке положено быть красной и картонной, со звездой…

– Сергей Юрьевич, вы не могли бы убавить громкость радиоприёмника? А то, честное слово, по ушам бьёт, приходится перекрикивать.

– Конечно.

Я уже протянул руку, чтобы уменьшить громкость, как вдруг голос диктора заставил меня замереть на месте:

– Внимание! Экстренное сообщение! Самосбор не дремлет! Если к вам обратились люди, именующие себя организацией «Старый жёлудь», не открывайте дверь! Срочно позвоните по номеру…

Я медленно обернулся. Дрищ держал меня на прицеле пистолета. Значит, всё-таки сзади за ремнём прятал…

– Я приказал вам вырубить громкость!

«Вот как, он уже приказывает».

– Сядьте!

Выключил приёмник и уважил ствол, присев на табурет.

Пистолет Макарова, однако. Тяжеловат для такой тощей крысы, ручонка дрожит… Ну посмотрим, что скажет этот жёлудь.

Дрищ улыбнулся:

– Не нужно пугаться. К самосбору мы не имеем никакого отношения. Видите – ваш наручный коммуникатор зелёненький. Самосбор – это неведомый Бог или дьявол. Никто его не видел, но все знают, что смерть может нагрянуть в любой момент. Мы же обычные люди, которым хочется жить по-людски. Извините за каламбур.

Я не перебивал. Даже изобразил заинтересованность.

– Нам нужны люди вроде вас.

– Это какие?

– Мужественные, опытные, сильные.

– Для чего?

– Для того, чтобы покончить с коммунистической тиранией. Чтобы дать людям то, что они заслуживают – свободу!

Мне стало скучно. Опять революционер. Борец за правду. Сколько я таких повидал. Мощные лозунги, а на деле пшик и очередное разводилово.

– И кого вы представляете?

Он постучал левой рукой по папке, на которой было выгравировано нечто похожее на орех. Я вспомнил, что это и есть жёлудь. Доисторический плод, который видел в старой детской книжке.

– Мы, социалисты-монархисты, единственные, кто может прекратить бесчеловечное правление горстки разжиревших упырей. Лишить их кровавой кормушки и позволить простым людям самим строить светлое будущее…

– Постойте. Вы сказали, монархисты? Разве монархия это не единоличное правление?

– Конечно. Но наши люди всегда верили в доброго царя. Мы дадим им такого. Честного и справедливого. Вы сами жертва бесчеловечной системы. Работали в корпусе ликвидаторов, получили

увечье. И как они отблагодарили вас? Выбросили на свалку, как хлам. Вы получили хоть какую-то компенсацию за инвалидность?

Я отрицательно покачал головой.

– Воот! – обрадовался дрищ. – А при нашем правлении всё будет по-другому! Никто не забыт – ничто не забыто! Мы вербуем единомышленников для будущей революции! Вы, как опытный офицер – возглавите один из отрядов! Вы сами будете творцом нового порядка!

– И много у вас единомышленников?

– Конечно! Только в нашем блоке – более трёх сотен подписей! Это только начало! Скажу по секрету, в двух соседних блоках тоже много наших сторонников! Когда наступит час «Х» – тысячи борцов устремятся…

Он так распалился, что отвёл пистолет в сторону, и я не преминул этим воспользоваться. Прижал ствол к столу левой рукой, а правой ткнул в кадык.

Дрищ упал с табуретки, задрав вверх худые ноги. А я с удивлением взглянул на свой кулак. Средний палец рассечён до крови. Что за шея у мужика, и человек ли это?

Сторонник монархии зашевелился, поднялся и сел. Лицо бледное, но глаза горят яростью. В районе адамова яблока из под порванной кожи – тускло поблёскивал металл…

Что за хрень он вшил себе в глотку?

– Зря вы так, Сергей Юрьевич… Глупо.

Я навел дуло пистолета ему в лоб:

– А теперь поговорим. Расскажи мне подробнее о вашем Старом жёлуде. Сколько вас? Кто руководит? Где командный центр?

– Боюсь, разговор не получится. Мне непонятно только одно: почему? Почему нищий бесправный работяга защищает власть кучки эксплуататоров?

– Потому что я присягу на партбилете давал.

– Значит, я ошибся в тебе, Сережа. Ты тупой исполнитель чужой прихоти. Не советую меня убивать. Потому что в этом случае смерть твоя будет страшной…

– И как же ты убьёшь меня? Заругаешь до смерти?

– Не хотел раскрывать карты раньше срока, но ты меня вынудил.

Дрищ вдруг издал такой громкий свист, что у меня заломило зубы. Так вот для чего ему имплант на кадыке! Это что-то вроде преобразователя звука.

А гермодверь-то не заперта! Я – кретин! Ничему меня служба в отделе ликвидации не научила. Думал, быстро бумаги подпишу и сэкономлю на гермозатворе, батарейки ведь недёшевы.

Я бросился исправлять ошибку, но не успел. В проеме возник жуткий монстр. Двухметровое чудовище двигалось на меня, вытянув в мою сторону все четыре уродливые лапищи. Конечно, я сразу узнал пришельца – кожевник!

Этих тварей так называли не зря. Была у них одна страсть – сдирать живьём с людей кожу и хранить как трофеи. Помню, на облаве логово их накрыли. А там человеческая кожа повсюду сушится. С мужчин, женщин, детей. Девчонка из нашего взвода, новенькая, аж проблевалась. Да и меня самого мутило. На стенах кровь, гниющие человеческие внутренности и эта кожа… с руками, ногами, даже пальцами. У этих мутантов и конечности словно для снятия шкуры устроены: одна будто клешня, наподобие ножниц, другая острой костяной иглой заканчивается, на третьей скребок, а четвёртая широкая, словно лопата с зазубренным краем.

В рукопашной с этой четырёхрукой гориллой не справиться. В отделе было оружие против них. Учёные наши разработали. Кнопка номер три на панели кваркового дезинтегратора. Только когда меня из армии попёрли – оружие отобрали, ибо нефиг оно гражданским. Может, оно и верно. Вдруг с горя захочется в революцию поиграть.

Вот она твоя смерть, Серёженька. Не видать тебе отныне девочки Лизы. Она будет с зоотехником любиться, а ты будешь висеть бледной кожей в пещере чудовища.

Дрищ, видимо. прочёл на моём лице невесёлые мысли, рассмеялся:

– Передумали умирать, Сергей Юрьевич?

Я медленно пятился от монстра, пока не упёрся спиной в стену.

– Или желаете подарить моему слуге свою шкурку? Смотрите, как у него глазки горят. На вашем плече татушка ликвидатора. У него точно такой в коллекции нет.

– Вы меня убедили, – проникновенно сказал я. – Если бы сразу сказали, что вам кожевники служат – я бы не раздумывал.

Монархист издал короткий свист, и мутант, разочарованно хрюкнув, остановился. Сопел и дырявил меня красными глазками.

Дрищ побарабанил пальцами по кожаной папке. Теперь-то я знал, что это за кожа.

– Подписывайте, счастливчик!

Я проковылял к столу и взял предложенную мне шариковую ручку.

– Только пистолет сначала мне отдайте.

Я неохотно протянул Макаров, и дрищ спрятал его за ремень. Раскрыл папку, вытащил отпечатанный на машинке лист бумаги. Протянул мне.

К длинному списку жильцов нашего блока я добавил свои ФИО и поставил размашистую подпись.

Агитатор захлопнул папку и с сожалением посмотрел на меня:

– А знаете, Сергей Юрьевич, вы не такой умный, как думаете. Такие кретины и фанатики не бывают преданными революционерами. У вас всё на лице написано. Я уйду, а вы побежите стучать в комитет.

– Подпись же поставил, – угрюмо выдавил я.

– За подпись – спасибо. Мне чем больше, тем лучше. Везде очковтирательство и дутые ведомости. Только я ведь ещё в нашей организации штатным психологом подрабатываю. И вижу, кто нам будет полезен, а кто нет. Вы не только не полезны, но и вредны. Прощайте.

Он направился к выходу, бросив кожевнику:

– Шарик! Он твой! – команду сопроводил свистом.

Чудовище радостно заурчало и двинулось на меня. Я приготовился подороже продать свою жизнь.

В этот момент дрищ, уже подошедший к двери, вдруг подлетел в воздух и шмякнулся об пол. А я услышал знакомый хлопок кваркового дезинтегратора.

Мутант задрожал и осел, истекая чёрной слизью.

В комнату ввалился Иван. В майке-алкоголичке и семейных трусах.

– Серый, живой?!

– Живой! – крикнул я. – Тут какие-то козлы революцию затеяли!

– Знаю! Они по всем этажам пошли. С ними не только кожевники! Мозговиков и бешеных ежей видел!

Я подошел к стонущему дрищу, приподнял за шкирку:

– Этот урод нам сейчас всё расскажет.

– Плевать на него! И так всё ясно! Сверни ему шею, и пошли! Нужно наших спасать! На этаже ещё один дезинтегратор. Вдвоём мы их, сук, покрошим!

– Пусть пока поживёт, – решил я и связал руки и ноги агитатору скотчем.

Мы выскочили на лестничную площадку. Охранники мертвы. На батарее сушились две окровавленные кожи. Повсюду разбросана амуниция. У мусорного бачка осколки пиротехнической гранаты. Всё ясно. Ребята нарушили инструкцию и сняли защитные шлемы. Я их понимал – сутки в этом душном намордннке стоять не всякий выдержит. Наверное, дрищ швырнул «хлопушку», а кожевники доделали дело. Твари они быстрые, а парни оглушённые и слепые, ничего не успели предпринять.

Глянул на железные ворота – пневмозамки не повреждены. Стало быть технический отсек им пока не нужен. Уже хорошо.

Подобрал лежащий в кровавом месиве дезинтегратор, обтёр о штаны, нацепил на голову шлем, проверил биолокацию – всё работает.

Иван шлем брать не стал, сказал, что отстал от жизни и всё равно с новой каской не разберётся. Как был в трусах, так и пошёл в бой. Я же нацепил нагрудник и лифчик с гранатами, прихватил десантный нож – воевать, так воевать.

– Я таких штук не видел, – пожаловался Иван. – В моё время только три кнопки было, а здесь целых двенадцать.

– Но ты же правильно выбрал третью на панели. Это против кожевников. Она и против ежей с мозговиками сгодится.

Этажом выше мы нашли лишь трупы жильцов. Похоже, люди были не умнее меня. А ведь по радио каждый день напоминают, что двери лучше никому не открывать. На следующем этаже такая же картина. Разве что валялся труп бешеного ежа. Эти твари умеют швыряться отравленными иголками, и я посоветовал Ивану идти следом за мной и не высовываться.

По закрытым гермодверям можно было сделать выводы о выбранной позиции граждан хруща. Стало быть, подписали бумагу и решили сменить власть. Ладно, с ними позже разберёмся. Я зашёл в чужую комнату и позвонил по знакомому номеру. Сразу надо было это

сделать. На том конце провода мне посоветовали ничего самостоятельно не предпринимать и ждать группу реагирования. Ну уж дудки! Тремя этажами выше живёт моя Лизонька, и уж её я в обиду не дам.

Дальше рассказывать не хочется. Всё, как в моей прежней жизни до гражданки: стрельба, швыряние гранат. Как же мне всего этого не хватало, думал я, ловя в прицел уродливые морды. Но лишь когда увидел Лизу, понял: нет, хватит, хочу, чтобы под боком была милая и тёплая девчонка. Хочу ходить по дому не в сапогах, а в рваных домашних тапочках, хочу есть вчерашние щи и думать, как заработать денег, чтобы порадовать любимую.

Гермодверь Лизы была открыта настежь, и у меня ёкнуло сердце. Ввалился внутрь, позабыв про правила параграфа номер пять о скрытном проникновении в помещение. Расстрелял в спину мозговика и навёл оружие на ушастого клерка. Такой же тощий дрищ, что валяется в моей квартире. Зоотехники их партиями выращивают, что ли?

Тот тотчас отбросил Макаров и задрал лапки вверх. Иван подошёл к нему и, ухватив за волосы, ударил мордой об стол. И… ножки стола не выдержали, обломились. Ну и силища у бывшего спецназовца.

– Переборщил, – расстроился Иван. – Хотел в плен взять…

Лиза и зоотехник стояли у стены, бледные, как туалетная бумага.

– Спокойно, граждане, – сурово сообщил я. – Мы здесь, чтобы помочь вам.

Иван поднял с пола папку, раскрыл, вытащил лист бумаги, хмыкнул:

– А они тоже подписали.

– А как иначе?! – заверещал зоотехник. – Мы же под давлением! Вы же видели, он не один пришёл, а с мозговиком! Так и сказал: если мы не подпишем – мутант у нас через глаза мозг высосет!

– А ты и обосрался! – рассмеялся Иван.

– Конечно! Это же не пустая угроза! Они уже скольких убили!

Я не слушал. Смотрел на Лизу, а она смотрела на меня. И молчали.

Зоотехник подхватив Ивана под локоть, запинаясь вещал:

– Вы же понимаете, все эти подписи абсолютная глупость. Сторонников так не вербуют. Это какой-то бред и провокация! Я

вообще не понимаю, какую цель они преследуют. Таким документам нет веры…А я всегда был горячим сторонником коммунистической партии…

Иван только смеялся, потом демонстративно порвал документ и со словами:

– Не ссы, Капустин, – хлопнул зоотехника по плечу. Тот шмякнулся на пол и посмотрел на бывшего вояку влюблёнными глазами.

А я наконец обрёл дар речи и сказал Лизе:

– Какие у тебя огромные красивые глаза…

– Огромные лучше, чем маленькие, – ответила она и бросилась мне на шею.

Потом мы услышали отдалённый женский крик. Я поцеловал Лизу в губы, и мы с Иваном поспешил на помощь. Сегодня мы, как и прежде, ликвидаторы. И кроме нас некому защитить граждан нашего блока. А завтра – будет завтра. Может у нас и не слишком гладкая и счастливая жизнь, но другой в нашей Гигахрущёвке пока не придумали. А значит, будем жить назло Самосбору!